

УДК 821.112.2:94

Е. А. Зачевский

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВРЕМЁН «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

В силу недолговечности Третьего рейха Вторая мировая война и, в частности, война против Советского Союза, не нашла своего масштабного отражения в немецкой литературе тех лет. В основном это были очерки, дневники и поэзия как наиболее мобильные средства отражения событий времени. Однако даже то немногое, что было создано в эти годы, даёт ясное представление о характере восприятия писателями тех лет «похода на Восток», как называли нацисты войну против Советского Союза. Такие разные авторы как Эдвин Эрих Двингер, Герхард Шуман, Ганс Бауман, Мартин Рашке, Хорст Ланге оставили любопытные свидетельства об этом «походе», которые позволяют лучше понять не только литературу тех лет, но и дух времени.

Война против Советского Союза воспринималась многими писателями как «правое дело», завещанное немцам от предков. Германия, говорится в заявлении верховного командования вермахта, «выполняет в этой борьбе задачу, выпавшую на её долю с начала своей истории – быть стражем против опасности, исходящей из восточных степей», и поэтому не только необходимость «спасения Европы» от «большевизма», но и «сама история оправдывает в большей степени поход на Восток» [1, с. 10]. При этом солдатам и населению внушалась мысль о лёгкой победе, ибо немецким войскам противостоит не армия, как вещал Й. Геббельс, а сборище «недочеловеков», движимых лишь «криминальными инстинктами» [2, с. 409]. В таком же духе наставляла свою паству и церковь, оправдывая «крестовый поход» против «недочеловеков» [2, с. 407].

В этом смысле примечателен настрой той части немецких авторов, которые исповедовали нацистскую идеологию и принимали непосредственное участие в «походе на Восток». Здесь, прежде всего, нужно назвать

имя Эдвина Эриха Двингера (Dwinger, Edwin Erich, 1898–1981). Он родился в семье офицера. Мать его была русская, и с детских лет обучала ребёнка русскому языку, знание которого сыграло большую роль в дальнейшей судьбе писателя. В 1915 году Двингер попал в русский плен, был отправлен в Сибирь. После ряда побегов, службы в армии Колчака, Двингер возвращается в 1921 году в Германию.

На основе своих лагерных дневников он создаёт трилогию, получившую название «немецкие хождения по мукам», – «Армия за колючей проволокой» («Die Armee hinter Stacheldraht. Das Sibirische Tagebuch», 1929), «Между белыми и красными» («Zwischen Weiß und Rot. Die russische Tragödie. 1919–1920», 1930) и «Мы взываем к Германии» («Wir rufen Deutschland. Heimkehr und Vermächtnis. 1921–1924»), 1932). Книги эти принесли Двингеру мировую известность. Он стал в Германии своего рода специалистом по проблемам взаимодействия русских и немцев, создав в своих книгах образ народа, жестокого в своих диких проявлениях, далёкого от европейской цивилизации, сохраняющего в себе детскую наивность и истовую религиозность, в чём, по его мнению, и проявляется истинная сущность русского человека.

В лице Двингера нацисты обрели пропагандиста, работавшего по заказу, ставшего «придворным военным корреспондентом». В 1937 году он пишет книгу «Испанские силуэты» («Spanische Silhouetten»), воспевающую «подвиги» немецких лётчиков в годы гражданской войны в Испании. По заказу Геббельса Двингер создаёт книгу «Смерть в Польше. Страдания немецких поселенцев» («Der Tod in Polen. Die volksdeutsche Passion», 1940), должную оправдать нападение нацистов на Польшу в 1939 году; в 1941 году выходит его книга «Фюрер танков. Дневниковые записи о походе на Францию» («Panzerführer. Tagebuch-blätter von Frankreichfeldzug»), своего рода гимн танковой дивизии Гудериана; в 1942 году, созданная по заказу Гимmlера (Двингер к этому времени уже член партии и оберштурмфюрер СС) выходит его книга «Новое свидание с Советской Россией. Дневник похода на Восток» («Wiedersehen mit Sowjetrußland. Tagebuch vom Ostfeldzug»), которая должна была стать составной частью «национального эпоса о походе на Восток и колонизации восточных провинций» [3].

Книга эта с полной откровенностью раскрывает основные положе-

ния реализации плана «Ост», согласно которому миллионы советских людей подлежали уничтожению, а оставшиеся в живых превращались в рабов [2, с. 406]. Через всю книгу проходит мысль о том, что «советы являются единственными настоящими революционерами наряду с нами, и тем самым единственными действительными противниками мира. Если нам в конечном итоге удастся их покорить, эта земля больше не будет представлять для нас опасности» [4, с. 20]. Однако революционность «советов» Двингер связывает не с коммунистическими идеями, а с «бесспорным бойцовским фанатизмом», который «придаёт им небывалую силу», «выраженную ещё великим Достоевским в их старейшей аксиоме – сделать когда-либо весь мир русским! И тогда остаётся только одно – или Европа будет русской, или нам удастся Россию сделать европейской...» [4, с. 24]. Двингер, побывав на фронтах в Польше и Франции, считает, что «война с советской Россией будет настоящей войной», в этом его убеждает воздушная дуэль между немецким истребителем и тяжёлым советским бомбардировщиком, пилот которого проявил такое высокое мастерство, что вызвал восторг и удивление у немцев: «Разве мог кто-либо из знатоков России когда-либо подумать, что русские станут такими лётчиками? Что они настолько одолеют их «ничево», чтобы с такой решительностью выстоять до последнего дыхания, как показал это нам советский лётчик? До того, как мы Вас (в оригинале с большой буквы – Ihr – Е.З.) усмирим, нам придётся ещё многое понять» [4, с. 49–50].

«Усмирять» Россию Двингер собирается не только оружием, но и расовой селекцией. После общения с военнопленными он не обнаружил «среди них тех великорусских типажей, которые раньше составляли большинство этого русоволосого народа; даже здесь, в этой западной части страны, монгольский типаж составляет подавляющее большинство» [4, с. 58]. По мнению Двингера, это не люди, если они, раненые, в крови, «не кричат, не орут от боли... Вы действительно превратились в зверей, продолжая молча, как и они, переносить эти мучения?» [4, с. 71], восклицает он. И тут же заключает: «Действительно, предстоит совершить огромнейшую работу, которая когда-либо предпринималась в истории человечества... Чрезвычайно велика историческая миссия Германии! Или Россия будет благодаря нашей победе европейской страной, или вся Европа из-за нашего поражения станет большевистской!» [4, с. 65–66, 74].

Однако весь пафос страданий Двингера по поводу потери русским народом своей идентичности определяется не любовью его к русскому народу, а желанием обретения русской земли. Дойдя до берегов Днепра, Двингер считает поражение Советского Союза делом решённым, и, как рачительный хозяин, при виде необозримых полей колосющейся пшеницы уже строит планы на будущее: «Пусть теперь всё идёт своим ходом... эти поля мы, во всяком случае, наконец, обрели! Эти тысячи километров колосющейся пшеницы... являются для нас хлебом нашего народа, который никогда от нас не отнимут... И не это ли является собственно глубочайшим смыслом нашего похода с тем, чтобы отвоевать для наших детей на все времена хлеб, тот дорогой хлеб, который это государство превратило только в десятки тысяч перемолотых танков, в сотни металлургических заводов для производства бесчисленного смертоносного оружия?» [4, с. 163–164]. И далее следует трогательное описание труда крестьян на благо немцев: «Я так и вижу в эти залитые солнцем утренние часы, как тысячи крестьян укладывают скошенными хлебами эти огромные пространства, как телеги, запряжённые маленькими лошадёнками, бесконечными рядами везут на мельницы зерно, я вижу, как мука течёт тысячами потоков с этих полей на Запад, а ветер доносит уже до меня терпкий запах коричневого хлеба...» [4, с. 164].

При этом Двингера совсем не беспокоят огромные материальные потери: «Что значит для меня какой-то разрушенный город, сгоревшая дотла деревня, всё это можно потом восстановить, решающим является то, что эти тысячи миль цветущих пшеничных полей останутся неприкосновенными, что они не превратятся, как во время мировой войны, в пустыню от разрывов миллионов снарядов! Пусть бои постепенно станут более жесткими, возможно, даже, что боевые действия перерастут в мировую войну, они, во всяком случае, благодаря нашему стремительному продвижению, уже позади, эти поля уже в следующем году предстанут в их прежнем плодородии...» [4, с. 164–165].

Однако этого не произошло, и не могло произойти. Ему об этом достаточно ясно сказал на допросе молодой комсомолец, заявив, что есть три причины, по которым немецкая армия будет разгромлена: песчаные дороги, которые «все ваши машины приведут в негодность»; партизаны, которые «будут нападать на ваши коммуникации и вынудят отвести ваши войска в

глубокий тыл»; и, наконец, «зима, вот тогда начнётся наша настоящая война» [4, с. 228]. Хотя все эти доводы Двингер парировал с насмешкой, но потом, осознав не столько предсказанные беды немецкой армии (которые вскоре подтвердились), сколько мужество и решительность пленного комсомольца держаться столь независимо на допросе, пришёл к однозначному выводу: «Но эти комсомольцы!.. Вероятно, не остаётся ничего иного, как их полностью уничтожить! Это было суровое решение, особенно для меня, когда-то любившего этот народ...» [4, с. 230].

Книга Двингера заканчивается совсем не благодными размышлениями о русском народе. Напротив, он уверен в том, что «этот народ рождён для рабства», но в его сознании «таится опасность по отношению к внешнему миру! Эту невероятную глыбу земли, если она когда-нибудь активизируется и лави-нообразно придёт в движение, мы не сможем привести её с ошибочного пути на верную тропу, и тогда она погребёт под своей тупой массой всю европейскую культуру... Необходимо найти для неё такую форму жизни, которая никогда не позволила бы ей стать опасной, ибо нет ничего более опасного для человечества, чем такая тупая миллионная масса как советская, которая в руках нескольких фанатиков может быть использована для чего угодно...» [4, с. 231].

После 1942 года, после Сталинградской битвы, Двингер смягчил своё отношение к русскому народу. В 1943 году он публикует в журнале «Вилле унд махт» («Wille und Macht»), органе гитлерюгенд, эссе «Русский человек» («Der Russische Mensch»), где «оспаривает расистскую неполноценность русских, которые, после того как их освободят от идеологии большевизма, возвратятся в семью европейских народов. Победа Германии возможна только в случае хорошего обращения с населением оккупированных областей» [3].

Статья эта появилась не случайно. Именно в это время вермахт понёс ряд громких поражений на фронте и в нацистском руководстве пришло осознание того, что обозначение советских солдат «недочеловеками» не дало пропагандистского эффекта. Ведущая сотрудница русского антикоммунистического журнала «Акцён» («Die Aktion») Мелитта Видеман в письме Гиммлеру от 20 мая 1943 года писала: «Теория о неполноценности восточных народов, прежде всего русских, опровергнута практикой. Они

хорошо сражаются. Они жертвуют всем ради родины. Они вооружены, по крайней мере, не хуже нас... Если мы хотим, чтобы на Востоке миллионы людей работали на наш рейх, а на Восточном фронте за нас воевала большая армия, то теория о неполноценности должна исчезнуть из нашей пропаганды». В другом письме Гиммлеру от 5 октября 1943 года Видеман утверждала, что ей якобы «абсолютно известно», что русские «являются противниками большевизма и особенно Сталина» и борются против нацистов потому, что не хотят «обречь себя на жалкую участь в колониальной империи, где их убивают, грабят, объявляют неполноценными, тогда как это один из самых одарённых народов белой расы» [2, с. 411].

Эту же мысль, но более откровенно и просто высказал Гиммлеру главный военный журналист СС Гюнтер Д'Алкен, редактор эсэсовской газеты «Шварце корпс» («Das Schwarze Korps»), отличавшийся особой бесшабашностью говорить начальству в лицо правду-матку. Когда в сентябре 1943 года Гиммлер показал ему брошюру о «недочеловеках», то он назвал её содержание «мутью» и заявил: «Наши ребята на фронте не знают, куда свои задницы девать. Вы уж поверьте, если бы им показали эту книжку, они бы вас так и спросили, громко и ясно: выходит, по-вашему, эти солдаты, которые сейчас наступают, у которых танки лучше наших, которые мастера воевать, они, значит, недочеловеки? А мы тогда кто? Какие из нас после этого сверхчеловеки? Посмотрите, ведь они всё готовы потерпеть ради своей страны!.. Подобные вещи я слышу от наших парней повсюду. Война идёт уже два года, мы узнали своего противника, и стало ясно, что с такими теориями мы далеко не уедем» [2, с. 412].

Не надо думать, что Двингер, как и руководство нацистов, сильно изменили своё мнение о русском народе. Изменились обстоятельства, вынудившие их принять факты такими, какие они есть. В желании спасти мечту о пшеничных полях, Двингер делает ставку на создание русской армии во главе с генералом Власовым, но Гитлер гневно отвергает эту идею, и Двингер в 1943 году оказывается под домашним арестом с запретом дальнейших публикаций.

Всё последующее творчество Двингера отмечено бессильной злобой по поводу несбывшихся надежд обрести бескрайние пшеничные поля России, отчего его романы «Когда прорываются плотины. Гибель Восточ-

ной Пруссии» («Wenn die Dämme brechen. Untergang Ostpreußens», 1950) «Генерал Власов. Трагедия нашего времени» («General Wlassow. Eine Tragödie unserer Zeit», 1951), «Они искали свободу. Судьба казаков» («Sie suchen die Freiheit... Schicksalsweg eines Reitersvolkes», 1952) полны отчаяния и презрения к Гитлеру и его окружению, не сумевших отстоять завоеванные богатства.

Поэт Ганс Бауман (Baumann, Hans 1914–1988), в отличие от Двингера, мыслил шире, и отправился на войну для поддержки боевого духа немецких солдат с тем, чтобы завоевать весь мир. Прославившийся своей песней «Дрожат прогнившие кости» («Es zittern die morschen Knochen»), которая сразу же стала гимном нацистской молодёжи, он действовал в духе припева этой песни, ставшего некой упрощённой программой всего нацистского «движения»: «Мы будем шагать и дальше. // Мы вдребезги всё разобьём! // Сегодня принадлежит нам Германия, // а завтра – весь мир обретём!» [5, с. 274].

Но стоило Бауману оказаться на фронте, в России, как тональность его поэзии меняется. По крайней мере, его короткие стихи, написанные летом 1941 года, потеряли свою боевитость. Правда, в стихотворении «Вирбаллис» («Virballen») от 25 июня 1941 года ещё заметен героический настрой. Война только началась, и он славит каждого, кто «с любовью отправляется в поход», ибо «его железную поступь сопровождают духи», которые всякий раз, когда «он наносит раны», будут «давать ему силы», потому что «его меч несёт в себе очищающее пламя» [6, с. 337]. Как это принято в нацистской литературе, когда автор поёт осанну героям или воинам, он превращает всё происходящее с ними в некий рыцарский турнир, и поэтому нападение нацистской Германии на Советский Союз выдаётся им как поход рыцарей-крестоносцев, отправившихся на Восток очищать огнём и мечом «исконную немецкую землю» от нехристей.

Постепенно героический дух в стихах Баумана исчезает. На первый план выходят пейзажные зарисовки, о войне можно догадаться лишь по некоторым деталям. В стихах царит удовлетворение от совершенного, ибо немецкие войска захватили чуть ли не всю европейскую часть СССР, и война, надо полагать, должна скоро закончиться. Хотя война ещё продолжается, «мучительный бой выматывает нас», но бой этот обретает уже некий лирический характер. Баумана привлекает в этой ситуации не сам бой, а

«тёмно-красная бабочка, устроившаяся на каске товарища, шагающего рядом» [6, с. 340]. В этом можно усмотреть желание представить читателям войну как прогулку, не более того. Правда, выступая на международной «Встрече поэтов» в Веймаре в октябре 1941 года, он посетовал на трудности, с которыми столкнулись немецкие войска при взятии моста через реку Ловать под Великими Луками, попав под удары «невидимого органа советских гранат». И, как элегантно замечает Бауман, «стальные рельсы этого моста стали для некоторых наших товарищей мостом в другую страну, отличную от страны врагов» [7, с. 21].

Однако сейчас это уже не так важно, на войне случается и убивают. Важно другое – поход на Восток можно считать законченным, и Бауман уже рисует в заключительном стихотворении цикла «Власть и кротость» («Macht und Milde») картину светлого будущего Восточных земель, освобождённых от большевистского гнёта немецкими войсками. В этом стихотворении особенно ясно звучит мысль, высказанная Бауманом на встрече в Веймаре о том, что «в борьбе с восточным противником, который в своей разрушительной деятельности уповает только на голую силу..., для немцев сила является только некоей оболочкой жизни, только покровом сохраняющейся кротости. В этом заключается глубочайшая порука успеха и надежда, что введённые в заблуждение народы, которые со временем будут разделять плоды победы, поймут ещё во время кровопролитных усилий смысл железной жатвы» [7, с. 23].

«Порушенная колыбель богов! О святая Русь!
 Поля, иссохшие дыханием бездушной силы,
 такой найдут тебя внуки тех, кто пробудил тебя.
 О терпеливый народ! Лишённый молока и хлеба,
 От мёда остался лишь горький осадок,
 От пламени – лишь дым, от колоса – жнивье.
 Мы освобождаем тебя из чудовищной сети,
 Из объятий смерти некоей железной паутины,
 Дыханием своим сгоняем ужас с твоего лба.
 Мы пепел засеем зерном и лилиями,
 А плющ в тени обовьёт наши мечи.
 Мы соберём мартовские облака ради непаханых земель,

Окаменевшие от страданий сердца павших,
О Восточная земля, оросят своей кровью рождение кротости,
Она породит расцвет, отчизна, твоему другому детству» [6, с. 341].

Казалось бы, Бауман не далеко ушёл от Двингера в воспевании русского народа и его «светлого будущего» под эгидой нацистской Германии. Однако он видел Россию, как, впрочем, и войну, из бруствера окопа, и всё его пребывание на фронте воспринимается как лёгкая экскурсия, ибо в его последующей поэзии тема войны практически не отразилась.

Другое дело Герхард Шуман (Schumann, Gerhard 1911–1995), чуть ли не классик нацистской поэзии, отправившийся добровольно на Восточный фронт. В его стихах речь идёт не о причинах войны (она воспринимается как данность), а об освободительной миссии немецкого народа, пытающегося спасти народы Европы, а с ней и всего мира, от «красного ненастья» [8, с. 74]. При этом с народами Европы воюет не немецкий народ сам по себе, нет, он исполняет лишь волю божью: «Народ сей несёт посланье господя, // несёт знамёна к победе. // И тот, кто их кощунственно коснётся, будет повержен» [8, с. 74]. Едва ли не главной темой его стихов становится тема смерти, трактуемой Шуманом как выражение высшей награды солдату. В стихотворении «Нас любит смерть» («Uns liebt der Tod») говорится не о подвиге солдата, не о том, ради чего он пожертвовал своей жизнью, а о том, что «над каждым мёртвым вьётся флаг торжественней. // Дух павших красный цвет флага развернул. // Смерть, будь благословенна. // Полощется флаг на ветру. Бог так хотел» [9, с. 479]. В стихотворении «Триумф» («Triumph») смерть солдат, идущих в атаку, выступает в роли символа уже свершившейся победы, как это мыслилось немцами после быстрых побед во Франции и Польше: «Смерть брызжет тысячами диких красок. // Пускай они падают как спелые колосья, // пускай они окрашивают землю своей кровью. // В душе они уже выиграли эту войну. // Они встают. Идут в атаку на смерть. // И этот их подъём, о братья, есть победа!» [9, с. 494].

Однако после начала войны с Советским Союзом, несмотря на первые успехи немецких войск, ощущение лёгкой победой исчезает, и это находит своё выражение в речах и в поэзии Шумана. В отличие от «маленьких бардов» («Mutti-Barden»), так он называл поэтов, писавших урапатриотические стихи о войне, Шуман находился в действующей армии,

принимал участие в боях под Минском, был ранен, получил Железный крест, т.е. на личном опыте убедился в жестокости войны, и поэтому его военная лирика приобретает довольно суровые черты. Ощущение смерти, некое состояние заброшенности в неведомый мир особенно сильно проявляется в сборнике стихов Шумана «Закон становится песней» («Gesetz wird zu Gesang», 1943), написанных именно в России. В стихотворении «Звёздное небо над Россией» («Sternbild in Russland») Россия олицетворяет собой конец всего сущего, и поэтому его удивляет, что «даже над этим ужасом // ещё опускается ночь», «с чуждой нам силой сжимает нас тоска в болотах и лесах», лирический герой ощущает себя «в бесконечной ужасающей дали // одиноким и безрадостным» [10, с. 14]. Другое, не менее тягостное, лишённое каких-либо героических интенций стихотворение «Болото» («Sumpf»), доводит это настроение до степени всеохватного ужаса:

Гниенье заволакивает давяще удушающими испарениями.
 Зверьё лесное не подаёт весёлых радостных признаков жизни.
 То смерть своим затхлым духом вселяет в нас ужас.
 Да, это смерть. Безжалостная, ждёт она нас здесь.
 Не лес, а кладбище мёртвых пней взирает
 На нас уныло. Как вы сюда попали?
 Нет твёрдой почвы. Земля колыхнется, отягощённая страхом.
 Нет и воды, болото лишь клокочет в лихорадочном застое.
 С мужчинами, и дуло в дуло, бороться
 Нас учили, и не бояться ничего.
 Но теперь вой раздаётся в пустынной ночи.
 И адской мукой становится даже свет небес.
 Мы окружены дикими силами.
 Мы чувствуем их – но лиц не видим» [10, с. 16].

Несмотря на красочные описания душевных страданий немецких солдат, в которых, казалось бы, ощущалось неприятие войны, Шуман, и это характерно для всего его поэтического топоса, воспринимает эту войну в стихотворении «Мужчины» («Männer») как некое героическое рыцарское сражение, в котором «мужчины», т.е. немцы, «мрачные бойцы обречённого на смерть ордена», борются с «бандитами», с советскими солдатами [10, с. 18].

В произведениях о Первой мировой войне элемент рыцарского противостояния распространялся на обе воюющие стороны, здесь же противник воспринимается как «недочеловек», как существо, не имеющего никакого отношения к человеческой цивилизации, и потому подлежащее уничтожению. Немецкие войска, вторгшиеся в Россию, воспринимаются поэтом как прототип германского рыцарского ордена, борющегося, как и раньше, за души язычников, ибо «глубочайший смысл и задача этой войны состоит в том, чтобы возвысить их в новом рейхе до положения людей» [11, с. 66]. Как это происходило, Шуман не сообщает, но в своих мемуарах он, бывший свидетелем репрессий оккупантов против мирного населения Белоруссии, цинично сообщает о «рыцарском ведении боевых действий и о рыцарском отношении к несчастному населению, тяжёло затронутому ужасами войны, в том числе и на Востоке» [12, с. 160].

Если названные выше авторы являлись прямым порождением национал-социализма, то Хорст Ланге (Lange, Horst 1904–1971) – противник нацистского режима. Его роман «Чёрная Вайда» («Schwarze Weide», 1937), написанный в реалистической тональности вопреки принятому в нацистской литературе воспеванию крестьянства, да ещё и с явными антинацистскими отсылками, подвергся суровой критике властями.

О службе Ланге в армии мы узнаём только из его дневников периода 1939–1945 годов, опубликованных лишь в 1979 году. Его дневниковые записи сильно отличались от пафосных победных репортажей с поля боя, появлявшихся на страницах немецких газет и журналов, в интерпретации, например, Двингера. Они лишены какого-либо героизма и, что особенно примечательно, нацистской фразеологии, пропагандистского слогана. Повседневная действительность военной неразберихи в обстановке, далёкой от торжественных маршей с развёрнутыми знамёнами по дорогам Европы, грязь, снег, мороз, забитые постоянно ломающейся техникой непролазные дороги, отсутствие нормального питания, антисанитария, вши – вот далеко неполный тематический расклад дневников Ланге, служившего в немецких войсках под Москвой: «Мороз немного ослаб. Вьюга. Затем опять стало холодно. Ночь, стоя в карауле, разговоры с людьми из других частей, которые воссоздают одну и ту же картину: проявления усталости, война приняла слишком большие размеры, русская зима наводит на людей страх, они

видят себя противопоставленными некоей природной силе, которой они не знают и которой они боятся, безбрежная пустыня действует на них удручающе, портит настроение, повышает боязнь перед неизвестностью... Возникает некий, отчасти истерический страх перед русскими...» (5.12.41) [13, с. 101]. И как следствие: «Никакого желания воевать. Они говорят об этом открыто, при ближайшей атаке собираются „дать дёру“. Их может удержать только сила и прочная безопасность» (25.10.41) [13, с. 78]. «Вши, наконец, добрались и до меня, ползают по одежде» (1.11.41) [13, с. 84].

Дневник полон описаний продвижения немецких войск к Москве, но они напоминают скорее отступление, чем наступление: «Дорога – сплошной каток. Лошади и люди постоянно падают. Все кругом спотыкаются. Вдали видны отблески пожара... повсюду падают люди. Спотыкаются и падают, лежат какое-то время и идут дальше немного и снова ждут. Темнота и холод приводят ко всё возрастающей озлобленности людей. Громкая ругань, почти на грани драки, но всё же некоторая сдержанность ощущается. Все думают, что это путь в никуда, голодны и чрезмерно усталы и еле держатся на ногах» [13, с. 96–97].

Любопытно отношение Ланге к России. В его дневнике отсутствует ощущение какой-либо вражды, ненависти. Это война, и только. Мы и противник. Образы пленных солдат, офицеров даются подчёркнуто нейтрально – это просто люди, вовлечённые в войну, и поэтому Ланге может написать «Эти русские хорошие и мужественные пилоты» (13:108). Разговоры о России переплетаются рассуждениями о русской литературе – о Пушкине (Ланге читает наизусть «Пророка»), о Тургеневе, о Лескове [13, с. 90, 99].

Несмотря на то, что этот дневник так и не был (и не мог быть!) опубликован в годы нацизма, он в известной степени дополняет облик писателя Хорста Ланге как человека и как писателя – независимого и мыслящего.

Совсем по-иному произошла встреча с Россией у Мартина Рашке (Rasch-ke, Martin 1905–1943), писателя, принадлежавшего кругу афашистских авторов, тех, кто намеренно игнорировал в своих произведениях нацистскую действительность как таковую, живя в иной Германии, оставаясь певцом сельской жизни и природы. В 1941 году Рашке был призван в армию в качестве военного корреспондента вермахта. Военная публицистика Рашке интересна тем, как человек, в общем-то, далёкий от идеологии национал-

социализма, пытается рассказать о войне без нацистской патетики.

Вероятно, задача Рашке состояла в том, чтобы создать в представлении читателя образ войны, лишённый каких-либо особых тягот. Практически он не изображал сами действия немецких войск на территории Советского Союза, а только передавал атмосферу повседневной военной жизни в её бытовых проявлениях. Недаром один из военных репортажей Рашке был озаглавлен «По местам вчерашних боёв» («An der Front von gestern») [14, с. 426–430]. Писателя интересовали последствия войны, а не сама война, поэтому его репортажи, заметки касаются в основном положения людей, затронутых войной, и война здесь предстаёт лишённой своего блеска и славы. В этой же связи в них отсутствуют унижительные, карикатурные или отрицательные оценки противника, как это было принято в пропагандистских статьях тех лет.

Его поездки по оккупированным районам Белоруссии, по Прибалтике, по Псковской земле носили некий экскурсионный характер, целью их было ознакомление с загадочной страной под названием Россия и с её народом. Первое, что его поразило в России, это её размеры, которые вызвали у него «внезапную тоску по редкому» [15, с. 64], и это нашло своё отражение в его творчестве, ибо большинство его заметок являет собой собрание мелких, случайных деталей, мимолётных встреч, которые вызывают у него череду ассоциаций и превращаются в нечто знаковое, особенное. Этим особенным для него стала Россия – некое заколдованное царство рек и болот: «Даже если бы этого ты не знал, можно было бы почувствовать, что здесь живёт другой народ, который не предаётся попечению порядка и не жаждет обрести в объятиях уюта нечто необычное. Всё здесь говорит о возвышенном запустении. Поэтому здесь и вороны выглядят страшнее. В них, кажется, вселились враждебные духи... Разрушения в Кингисеппе, в других местах выглядевшие бы скорбно, вполне отвечают этому приюту анархии и только обнаруживают, каким законам первозданной жизни и гибели этой страны они ещё могут служить. В них проявляется не столько дело рук человеческих, сколько воздействие той оплодотворяющей и дикой разрушающей силы, которая повсюду сгибает заросли ольхи к болоту и берёт приступом коварной сыростью дома, доводя их до гниения» [15, с. 97–98]. И далее: «Нигде не видно следов возвышенной жизни, только вода

течёт и капает на эту многократно израненную землю» [15, с. 98] .

Эти безрадостные картины дополняют встречи Рашке с населением захваченных немцами советских областей, в большинстве своём с крестьянами, которые предстают в его интерпретации как жертвы войны. Побывав в Пушкинских Горах и осмотрев памятник А.С. Пушкину, укрытый на зиму досками, Рашке меланхолично замечает: «Неповреждённый. Музы охраняет, вероятно, особый дух. Охраняет ли он так же и город?.. Война лишила этот народ его цивилизации, достигнутой с большим трудом, и вытолкнула его обратно в прошлое столетие» [15, с. 113].

Это обстоятельство вызывает у Рашке двойственное впечатление. С одной стороны, он многожды подчёркивает беды, принесённые русскому народу войной; с другой стороны, он, побывав в нескольких избах и наблюдая за повседневными делами крестьян, восхищён тем, что они, несмотря ни на что, оказываются верны своим стародавним привычкам, которые помогают им выстоять в годину бедствий: «Жизнь здесь мне показалась более древней, чем у нас. Люди пользуются результатами некоей тысячелетней деревянной культуры, которая проявилась в прекрасных установлениях для всякой деятельности, в то время как мы находимся в состоянии смутной юности металлического столетия машин. Даже если это всё принадлежит устаревшей эпохе, оно всё же не потеряло своей силы, сформированное долгим дыханием столетий и всё ещё полное сил, как и прежде» [15, с. 117]. В этих словах, конечно, сказывается и приятная сердцу Рашке приверженность крестьян заветам предков, но в них заключено и признание силы духа русского народа, его живучести, его стойкости. И дело тут, конечно, не в какой-то особой любви Рашке к русскому народу. Основная тональность статей, коротких высказываний, дневниковых записей, вошедших в книгу «В тени фронта», свидетельствует о пристальном интересе Рашке к отдельной личности, оказавшейся волею судеб в центре событий, неподвластных его пониманию, и потому представляющих опасность для его существования.

Самое примечательное в этих заметках о войне с Советским Союзом то, что если Двингер, Бауман и Шуман воспринимали войну как их кровное дело, то Ланге и особенно Рашке ощущали себя призванными на войну. Это не их война, и они следуют в фарватере событий как граждане

рейха, не более того, и поэтому они, каждый по-своему, пытаются подорвать доверие к этой войне. Недаром политическая полиция запретила публиковать дневник Рашке «В тени фронта», усмотрев в нём нечто, что «могло бы испугать общественность» [16, с. 264]. Но эту общественность, по крайней мере, в начале «похода на Восток», ничто не могло испугать. Вот свидетельство Райнхольда Шнайдера, известного противника нацистов: «Даже те люди, которых я очень высоко ценил, увидели, хотя они осуждали идеологию и методы нацистов, возможность подъёма рейха. Антимилитаристы, которые, как и я, меньше всего могли обращаться с оружием, радовались по поводу занятия Парижа. Критически настроенные исследователи истории предрекали возникновение германского всемирного рейха. Противники нацистской системы, тяжело страдавшие от неё, обсуждали уже планы разрушения Лондона. В добропорядочных бюргерских семьях, при свете лампы, занимаясь вязаньем чулок, с радостью воспринимали сообщение о потоплении английского судна и гибели всей команды, с удовлетворением констатировали бомбардировку какого-то города, и с горечью реагировали на проявления сопротивления в Польше, Норвегии и Греции. Концлагерей не должно быть, и потому их и не было» [17]. Хотя эти слова относятся к временам первых военных побед нацистов, они не потеряли своей актуальности и в годы войны с СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Kampf gegen die Sowjets. Berichte und Bilder vom Beginn des Ostfeldzugs bis zum Frühjahr 1942 // Hrsg.v. Oberkommando der Wehrmacht. Berlin 1943.
2. **Кульков Е.Н.** Германия: немцы под нацистской свастикой. Война и общество в XX веке. Книга 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны // Под ред. Е.Н. Кулькова. М., 2008.
3. http://de.wikipedia.org/wiki/Edwin_Erich_Dwinger
4. **Dwinger E.E.** Wiedersehen mit Sowjetrußland. Tagebuch vom Ostfeldzug. Jena 1942.
5. **Baumann H.** Es zittern die morschen Knochen// Loewy E. Literatur unterm Hackenkreuz. Das Dritte Reich und seine Dichtung. Eine Dokumentation. Köln, Frankfurt am Main 1977.
6. **Baumann H.** Briefgedichte aus dem Kriege// Das Innere Reich. Oktober 1941. Berlin.
7. **Baumann H.** Von den Bewährungen des Dichters// Die Dichtung im kommenden Europa. Weimarer Reden 1941, Hamburg 1942.

8. **Schumann G.** An Europa// Weimarer Blätter 1940. Festgabe zur großdeutschen Buchwoche. Leipzig 1940.
9. **Bautz S.** Gerhard Schuman – Biographie – Werk. Wirkungen eines prominenten Autors. Gießen 2008.
10. **Schumann G.** Gesetz wird zum Gesang. München 1943.
11. **Schumann G.** Krieg – Bericht und Dichtung// Dichter und Krieger. Weimarer Reden 1942/ Hrsg.v. R. Erckmann. Hamburg 1943.
12. **Schumann G.** Besinnung. Von Kunst und Leben. Bodmann/Bodensee. 1974.
13. **Lange H.** Tagebücher aus dem zweiten Krieg// Hrsg.v. H.D. Schäfer. Mainz 1979
14. **Raschke M.** An der Front von gestern. Ein Kriegsbericht// Das XX. Jahrhundert. 1941. H.12.
15. **Raschke M.** Im Schatten der Front// Hinweis auf Martin Raschke. Eine Auswahl der Schriften/ Hrsg.v. D. Hoffmann. Heidelberg/Darmstadt 1963.
16. **Martin Raschke (1905–1943).** Leben und Werkchronik// Hrsg.v. W. Haefs, W. Schmitz. Dresden 2002.
17. **Hamm P.** Wille zur Ohnmacht. Ein Porträt des katholischen Schriftstellers Reinhold Schneider// Die Zeit, Hamburg. 20.04.1984